
ТЕОРИЯ

ГЛОБАЛЬНАЯ СПРАВЕДЛИВОСТЬ: ОСНОВНЫЕ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ*

Красиков В. И.**

В данной статье обсуждаются теории и методологии, связанные с изучением глобальной справедливости. Это довольно широкое понятие, имеющее многие уровни и измерения, относящиеся как к нормативным, так и к эмпирическим реалиям. Предполагается, что многочисленные концепции глобальной справедливости, существующие в академическом дискурсе, можно представить в трех теоретических подходах к ее пониманию, причем каждый выражает важный аспект глобальной справедливости и базируется на своем характерном концепте: либо прав человека, либо общественных благ, либо добродетели. Глобальная справедливость сопоставляется со своим историческим «исходником», справедливостью в конкретном социуме и понятием «права человека». Затем последовательно рассматриваются особенности концептуализаций глобальной справедливости в деонтологическом, консеквенциалистском и эвдемоническом аспектах.

Ключевые слова: глобальная справедливость, права человека, блага, добродетель, деонтология, консеквенциализм.

GLOBAL JUSTICE: MAIN CONCEPTUALIZATION

In this article, we discuss theories and methodologies related to the study of global justice. This is a rather broad concept, having many levels and dimensions related to both normative and empirical realities. We believe that numerous concepts of global justice that exist in academic discourse can be represented in three theoretical approaches to its understanding, each expressing an important aspect of global justice and based on its characteristic concept, namely: either human rights, or social good, or virtue. We compare global justice with our historical source, justice in a particular society and the concept of human rights. Then we consistently consider the features of the conceptualizations of global justice in the deontological/, consequentialist and eudaimonic aspects.

Keywords: global justice, human rights, benefits, virtue, deontology, consequentialism.

---

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-00080, <https://rscf.ru/project/23-28-00080/>.

** Красиков Владимир Иванович – д. ф. н., профессор, профессор кафедры ИФЛИ ГИТИС, г. н. с. Центра научных исследований Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России). E-mail: KrasVladIv@gmail.com.

Vladimir I. Krasikov – Dr. Phil., Professor, Professor at the Department of History, Philosophy and Literature, Russian Institute of Theatre Arts, Chief Researcher at the Research Centre of the All-Russian State University of Justice (RLA of the Ministry of Justice of Russia). E-mail: KrasVladIv@gmail.com.

Понятие справедливости во многом исходно: и в историческом, и в фундаментально-метафизическом смысле – для многих гуманитарных дискурсов. Изначально философия, затем более специализированно право, этика, социология и политология фокусируют на нем свои значительные исследовательские усилия, часто объединяя их в междисциплинарные проекты осмысления многочисленных аспектов справедливости [Прокофьев 2013; Канарш 2019].

Его современной актуальной синтезирующей формой, активно обсуждаемой в последнее время в отечественном и зарубежном научных сообществах, являются концепции «глобальной справедливости» [Коаччи 2020; Бурьянов 2019; Sujian Guo *et al.* 2019].

Итак, рассмотрим основные пути и возможности в определении «глобальной справедливости».

Справедливость и права человека

Для современного либерального дискурса справедливость как таковая понимается в основном как справедливость социальная, в духе Джона Роулза: как способ распределения основных прав и обязанностей, преимуществ от социального сотрудничества, зависимый от базовой структуры общества [Роулз 2011]. Справедливость, таким образом, фундирована взаимными обязательствами людей по отношению друг к другу, особенно в вопросах распределения благ, признания значимостей и статусов. Классические и современные политические философы сосредотачивали свои усилия на изучении справедливости в основном внутри государства, однако за последние два десятилетия произошло заметное ее расширение – на глобальную сферу.

Стремление к справедливости возникает в социальном контексте, и его цель состоит в обеспечении совместимости интересов акторов. Это равносильно одновременному ограничению и социализации этих интересов путем включения их в логику и динамику прав и обязанностей акторов по отношению друг к другу. Права акторов обеспечиваются в той мере, в какой они признают наличие обязанностей и ответственности по отношению к другим. Признание актором прав других акторов обеспечивает некоторое ощущение порядка, создавая предпосылки, при которых справедливость возможна. Другими словами, справедливость обеспечивает возможность отношений взаимности и сотрудничества между акторами.

Наиболее важные права и связанные с ними обязанности, лежащие в основе теории справедливости, обычно имеют две основные черты.

1. Они базисны, без них люди не могут поддерживать себя, их отсутствие ставит под угрозу стабильность общества.

2. Это одновременно и фундаментальные ценности, на основе которых организуется идентичность общества и его членов.

Акторы имеют равные права, такие как право на одинаковое уважение и одинаковое обращение. Социальное и экономическое равенство потенцируется массовой рациональной убежденностью в его всеобщей пользе и обеспечивается свободными демократическими социальными институтами [Там же].

Это базовые принципы регулируют распределение прав и обязанностей, социальных и экономических преимуществ. Одним из главных принципов подобной «распределительной справедливости» является равенство возможностей или

шансов на получение образования, должности на государственной службе и т. п., независимо от расы, национальности, семейного положения и т. д.

Помимо наиболее важных (или первичных) прав и обязанностей, существуют и другие, также значимые. По мере того как общества развиваются и приобретают все больше ресурсов, кажется, что все больше прав переходят в разряд первичных. «Справедливость», таким образом, не является фиксированным и неизменным концептом, его содержание изменчиво, и по мере того как общества становятся богаче в плане доступа к ресурсам, они начинают признавать в качестве основных права, которые до сих пор считались не столь приоритетными – к примеру, право на чистую воду или чистый воздух, право на неприкосновенность частной жизни и т. п.

Основная ответственность политических институтов, таких как государство, заключается в обеспечении уважения того, что акторы считают своими правами и обязанностями, особенно тех, которые лежат в основе их чувства справедливости. Пользование правами и обязанностями является ключевым аспектом функционирования и ответственности политических институтов, особенно если они стремятся считаться легитимными. Одним из способов достижения таких результатов политическими институтами является производство и развитие общественных благ в сферах экономики, здравоохранения, образования и т. д.

Альфой и омегой либерального политико-правового дискурса предстает положение о том, что защита прав каждого человека является обязанностью любого политического института. Права человека принадлежат всем людям независимо от их гражданства, национальности, культуры и других форм ассоциативной принадлежности. Статья 2 Всеобщей декларации прав человека подтверждает универсальность и индивидуальность прав человека следующим образом: «Каждый человек имеет право на все права и свободы, изложенные в настоящей Декларации, без каких бы то ни было различий, таких как раса, цвет кожи, пол, язык, религия, политические или иные убеждения, национальное или социальное происхождение, имущественное, сословное или иное положение. Кроме того, не должно проводиться никакого различия на основе политического, правового или международного статуса страны или территории, к которой человек принадлежит, независимо от того, является ли эта территория независимой, подопечной, самоуправляющейся или как-либо иначе ограниченной в своем суверенитете» [Всеобщая... 1948].

Защита и обеспечение прав человека не являются исключительно прерогативой государств. Государства вполне могут быть главными моральными агентами, которым поручено обеспечивать и защищать права своих граждан, но права человека в конечном итоге являются предметом международной озабоченности. Когда государство не выполняет свои обязанности в области прав человека, международное сообщество обязано соответственно отреагировать. Таким образом, универсальность прав человека имеет важное практическое значение [Тан 2017].

Однако не только от государства зависит реализация прав человека, то есть осуществление справедливости. Помимо чисто институционалистского видения проблемы, ряд исследователей рассматривает условия как бы с другой стороны – от человека, его способности реализовать свою свободу, то есть мотивированности и наличия у него достаточных возможностей для занятий тем, что он ценит.

Равные возможности реализуются не равными, а скорее зависимыми от разности ценностных ориентаций и разности индивидуальных потенциалов способами [Sen 2009; Nussbaum 2006]. Реализация справедливости, тем самым, зависит не только от институциональной защиты индивидуальных прав на свободу, но и от развития у человека способностей реализации своей свободы, таких как удовлетворение основных потребностей, создание условий, ведущих к достойной жизни, лучшему образованию и т. д.

Глобальная справедливость и справедливость в конкретном социуме

Понятие глобальной справедливости (далее ГС) ожидаемо выстраивается на некоторых ключевых интуитивных представлениях и знаниях, имеющихся у разных людей и культур, тем более что она ранее исследовалась практически исключительно в контексте местных и национальных сообществ. Можно предположить, что она будет представлять собой стремление к справедливости на глобальном уровне, то есть на уровне всего человечества. И в таком предваряющем приближении может содержать в себе как минимум три краеугольных камня, на которых, собственно, и может выстраиваться:

1. Это аксиома субъектов ГС: все люди, кем бы они ни были и где бы ни были, являются обладателями одинакового набора исконных и неотъемлемых прав.

2. Это аксиома «предмета ведения» ГС: взаимность и сотрудничество затрагивают те вопросы, которые по своему характеру и масштабу могут быть решаемы лишь на глобальном уровне (к примеру, изменение климата или же глобальная экономика и логистика).

3. Это аксиома проекта идеологического континуума ГС: требуется формирование своего рода глобального общественного сознания, основанного на определенных общих ценностях и благоразумных соображениях (сочетание проецирования ценностей влиятельными странами, переговоров в контексте международных соглашений и необходимости сотрудничать друг с другом).

Эти аксиомы или схожие с ними, вероятно, и смогут выполнять с разной мерой успешности функции ориентиров многотрудного процесса формирования образов и понятий ГС. Поскольку между справедливостью внутри страны и справедливостью между нациями существуют некоторые различия, именно универсальные стандарты, существующие в таких вопросах, как права человека, демократия, равенство, свобода и т. д., как полагают сторонники либерально-правового дискурса, могут служить общим знаменателем между нациями в отношениях друг с другом.

И все же теория ГС, в каком бы концептуальном формате она ни строилась, должна, по-видимому, включать в себя следующие четыре взаимосвязанных измерения.

(1) Нормативное измерение: какие критерии и ценности следует использовать для оценки и суждений о том, что является справедливым с глобальной точки зрения?

(2) Методологический и процессуальный аспект: какие процедуры и механизмы следует мобилизовать для определения и реализации прав?

(3) Институциональный аспект: какие институты и законы лучше всего подходят для ГС?

(4) Политический аспект: какие политические стратегии следует осуществлять, чтобы способствовать равному доступу к правам и их уважению на глобальном уровне?

Концепция ГС, так же как и концепция справедливости в национальном контексте, должна, по-видимому, признавать различные виды прав и их статусы при оценке справедливости. Речь идет прежде всего о делении прав на ряды «поколений».

Права первого поколения – это традиционные свободы и привилегии граждан: религиозная терпимость, свобода от произвольного ареста, свобода слова, право голоса и т. д. Права второго поколения – это социально-экономические требования: право на образование, жилье, здравоохранение, занятость и достаточный уровень жизни. Хотя они считаются более радикальными, требующими более интервенционистского государства, но, в сущности, остаются индивидуальными по своему содержанию, поскольку эти положения призваны обеспечить материальное благополучие каждого мужчины, женщины и ребенка. Права третьего поколения, напротив, имеют отношение к сообществам или целым народам, а не к отдельным лицам. К ним относятся право меньшинств на свои языки, право наций на самоопределение, право на такие рассредоточенные блага, как мир, целостность окружающей среды и экономическое развитие.

«Право народов» Дж. Роулза было, по сути, пионерской работой, стимулировавшей интенсивные дискуссии о ГС, акцентировавшие ряд важных вопросов [Сангаев, Бальчиндоржиева 2022]. В их числе: какими принципами следует руководствоваться в международных действиях? Какую ответственность мы несем перед бедными во всем мире? Должно ли глобальное неравенство вызывать моральную тревогу? Существуют ли типы нелиберальных политий, которые следует терпеть? Какая внешняя политика соответствует либеральным ценностям? Возможна ли «реалистичная утопия» в глобальном масштабе?

Роулз формулирует принципы справедливости для «свободных и демократических народов»: все народы свободны и независимы, их свобода и независимость должны уважаться другими народами; народы равны и являются участниками соглашений, которые их связывают; народы должны соблюдать обязанность невмешательства. Он подчеркивает, что свободные и независимые, хорошо организованные народы готовы признать определенные основные принципы политической справедливости в качестве руководящих в своем поведении, и эти принципы составляют основную хартию так называемого «Права народов» [Роулз 2011].

Причем равное уважение и обращение должны быть универсальными. И не только с теми, кто живет в либерально-демократическом, упорядоченном обществе, но также и с теми, кто находится вне закона или живет в неблагоприятных условиях. По отношению к государствам вне закона и серьезным нарушениям прав человека, упоминал Роулз, более уместен принцип невмешательства, который в данном случае является формой проявления равного уважения.

Дальнейшие обсуждения ГС выявили и массу новых проблем, наиболее значимые из которых: оптимальность баланса между универсализмом, партикуляризмом и плюрализмом в осуществлении справедливости; соотношение равенства и иерархии в реализации индивидуальных прав (все люди должны иметь равные

права определенного типа, но существует иерархия между определенными видами прав); определение границ справедливости в отношении неравномерного распределения природных ресурсов на разных национальных территориях и т. п. [Beitz 1975].

Концептуализация ГС, базирующаяся на концепте прав человека

Несомненно, это мейнстрим в сегодняшней разработке (концептуализации) ГС. Ключевой проблемой здесь является следующее фундаментальное затруднение: как возможно примирить космополитическую и универсалистскую повестку ГС (примат прав личности, особенно когда речь идет об основных правах безопасности и экономических правах) с партикуляристской логикой национальных государств и плюрализмом культур?

Фундаментальное затруднение является одновременно стратегическим ориентиром для концептуализации ГС в данном мировоззренческом формате. Так, если мы ставим себе целью нахождение понятийных основ именно для *глобальной, то есть одной, единой и универсальной* справедливости, то поставленная цель диктует нахождение одной, единой и универсальной «сущности», клеточки последующего масштабирования системы справедливых международных отношений. Этой клеточкой заведомо не может быть никакое партикуляристское образование, будь то антропологически-культурное, социоэкономическое или же политико-идеологическое. И таковой одной, единой и универсальной – и, соответственно, приоритетной сущностью для масштабирования-концептуализации ГС может стать лишь классическая морально-правовая абстракция прав человека.

Следуя подобному масштабированию ГС, права государств основаны на степени, в которой они служат правам человека внутри страны и на международном уровне. Каждый человек имеет право на все права и свободы, без каких бы то ни было различий, таких как раса, цвет кожи, пол, язык, религия, политические или иные убеждения, национальное или социальное происхождение, имущественное, сословное или иное положение. И не должно проводиться никакого различия на основе политического, юрисдикционного или международного статуса страны или территории, к которой принадлежит лицо, независимо от того, является ли она независимой, подопечной территорией, самоуправляющейся территорией или в соответствии с любым другим ограничением суверенитета.

Соответственно, в контексте подобного формата понимания ГС права национальных государств не являются абсолютными или самоцелью. Их легитимность будет оцениваться на основе их вклада в права человека, увеличения общественных благ на национальном и глобальном уровнях. Это означает, что в глобальном контексте национальные интересы должны учитывать глобальную солидарность и ответственность.

Равное уважение и обращение со всеми народами должны быть универсальными. Индивидуалистская модель ГС уподобляет любой народ – личности с равными правами и востребуемым уважением – уже в контексте международных отношений с другими подобными народами-личностями. Соответственно, они не должны подвергаться предубеждению или дискриминации по причинам, связанным с их географическим размером, численностью населения, религией, расой или культурными традициями.

В выстраивании понимания ГС, так же как и в случае определения приоритетов индивидуальных прав человека, первоочередной задачей со стороны государств, международных организаций и других субъектов (таких как неправительственные организации, корпорации, национальные и транснациональные) является обеспечение приоритета основных, первичных прав (социально-экономических прав, прав на безопасность и т. д.). Именно на них должна основываться основная часть солидарности и ответственности. Очевидно, что к ним должны примыкать и «второстепенные», но тем не менее важные для жизни людей права. Означает ли подобный «космополитизм» в формировании ГС существенную гомогенизацию образа жизни и мышления, модальностей развития? Вероятно, да, в большей степени справедливость-то все же глобальная. Однако сторонники данного подхода подчеркивают, что универсальность прав не означает полного единообразия прав и образа жизни, культурно-региональная диверсификация не может не оставаться.

Концептуализация ГС, основанная на распределении благ

Другим значимым подходом в определении ГС является приоритетность принципа распределения благ. Приоритет удовлетворения людьми своих основных потребностей, обеспечения достойной жизни независимо от их национальности, цвета кожи, пола, религии, социального класса и т. д. Здесь формирование «метрики» справедливости предполагает обсуждение состава входящих в нее основных социальных благ, равных возможностей благосостояния. Подобное обсуждение «направлено на то, чтобы ответить на вопрос: “На что мы должны смотреть, оценивая, является ли одно положение дел более или менее справедливым, чем другое?”» [Measuring... 2010: 1].

Теоретические связи между благами и справедливостью восходят к древнегреческой философии. Аристотель считал, что справедливое правительство должно обращать внимание на общие блага, тогда как несправедливое правительство обращает внимание на блага правителей [Аристотель 1983]. Когда общие блага вступают в противоречие с частными благами, последние всегда вторичны. Аристотелевский подход, в котором приоритетны и законны лишь общие блага, получил название «унитарной концепции общего блага» [Held 1970]. Он успешно развивался в христианской мысли, особенно в католицизме, вплоть до прихода либерализма в XVII в. С тех пор как Т. Гоббс предложил интерпретацию человеческой природы как стремящейся к удовлетворению частных потребностей, частные блага постепенно стали законным мотивом и приобрели моральный авторитет [Douglass 1980]. Поэтому становится приоритетной точка зрения, что люди, участники «общественного договора», вполне законно преследуют свои частные интересы – согласно естественному *праву*, то есть эти их действия имеют правовой, вполне законный характер [Гоббс 2022; Локк 2019; Руссо 1998]. Именно так дискурс прав в западной мысли полноправно вступает в обсуждение и понимание, заменяя в итоге «общее благо» как наиболее важный элемент интерпретации концепции справедливости.

Однако не все так просто, как кажется. Нет четкого понимания того, что такое блага, насколько и в какой степени они нужны людям, какие это блага и в какой мере они востребованы людьми, которые имеют заведомо разные мотивации

и ориентации. К тому же разнится спектр выражения, казалось бы, одних и тех же потребностей.

Блага как необходимые стартовые возможности для самореализации

Дж. Роулз предложил более индивидуализирующую интерпретацию общих благ классической концепции – в канве дискурса прав и справедливости. Основываясь на либеральном убеждении, что люди заинтересованы в том, чтобы иметь возможность делать свой собственный выбор, не нарушая «всеобщего блага», он выдвинул идею «первичных благ», определяющихся как основные блага, в которых нуждается каждый для удовлетворения своих различных целей. Роулз утверждал, что первичные блага – это вещи и отношения, которые, как предполагается, хочет разумный человек. И с большим количеством этих благ люди, как правило, могут быть уверены в большем успехе при достижении своих целей [Роулз 1995: 89–92]. В частности, хотя у людей разные цели и разные жизненные планы, первичные блага являются необходимым ресурсом их воплощения. В этом случае «блага» являются уже не всеобъемлющей идеей, регулирующей все стороны жизни граждан, а всего лишь первичным материалом (так сказать, «исходником») для реализации индивидами своих конкретных жизнеобразующих мотивов.

Понятно, что первичные блага – это лишь отчасти блага материальные. В другой своей важнейшей доле – это отношения, которые мы генерируем совместно посредством социального взаимодействия: права и социальные статусы, свободы и привилегии, полномочия и должности, воспитание и образование и т. п. Требованием справедливости к правительствам является культивирование социальных условий, обеспечивающих людей первичными благами [Rawls 1988; Роулз 2006].

Блага как реализация личных возможностей, а справедливость – равный для всех набор возможностей для самореализации

В качестве усовершенствования подхода Дж. Роулза к пониманию сути первичных благ Амартия Сен и Марта Нуссбаум разработали подход возможностей. Сен утверждал, что метрика первичных благ не учитывает межличностные различия между людьми, такие как метаболизм, интеллект, политическая и физическая среда. Эти вариации вместе с первичными благами определяют степень, в которой люди могут достичь своих целей. Таким образом, обеспечение только материальными благами недостаточно для удовлетворения требований справедливости [Sen 2009]. Мы должны исходить из архитектуры человеческого бытия, выявить основы поведения людей, понять их потенциал и спектр их возможностей.

М. Нуссбаум разработала хорошо известный список основных человеческих способностей: жизнь; телесное здоровье; телесная неприкосновенность; чувства, воображение и мышление; эмоции; игра; контроль над своим окружением и др. Эти способности требуют многого от мира: достаточного питания, образования, защиты телесной неприкосновенности, свободы слова и религиозного самовыражения и т. д. Мы все по справедливости имеем право на каждое из этих основных благ [Кудряшова 2022].

Таким образом, следует отметить, что подход, основанный на возможностях, хотя и делает упор на существовании и деятельности людей, никоим образом не отрицает важность ресурсов, материалов, социальных институтов и других форм

благ для благосостояния людей. Такие ученые, как Генри Ричардсон, показали, что подход, основанный на основных благах, и подход, основанный на возможностях, можно объединить в согласованную структуру [Richardson 2006].

Блага как достаточная индивидуальная удовлетворенность, а справедливость – равные возможности для достижения искомой удовлетворенности

В дополнение к двум метрикам, рассмотренным выше, существуют и другие подходы. Так, Ричард Арнесон предложил объяснение справедливости с идеей равных возможностей для благосостояния. Он согласился с критикой Сеном подхода Роулза к первичным благам. Но что касается подхода, основанного на возможностях, он также сомневался, что есть какие-либо объективно разрешимые основания, по которым можно судить о ценности способностей человека помимо его собственных предпочтений. Оценка способностей, не зависящая от предпочтений, по его мнению, предполагает адекватность еще не определенной перфекционистской доктрины. В результате он понимал благосостояние как удовлетворение предпочтений. Блага должны быть распределены поровну между людьми в той степени, в какой это распределение обеспечивает каждому человеку одинаковые возможности для удовлетворения его собственных предпочтений [Ибрагимова, Франц 2020]. Другие варианты этой идеи можно найти в работах Г. Коэна [Cohen 2011], М. Оцуки [Otsuka 2003] и Дж. Ремера [Roemer, Trannoy 2015].

Концепция ГС, основанная на добродетели

Наряду с двумя упомянутыми выше подходами, один из которых сосредоточен на правах человека, а другой – на общественных благах, существует еще один подход к ГС, который фокусируется на добродетели. Его достоинство в акцентировании внутренней активной мотивации к позитивному, общественно приветствуемому самоутверждению. ГС в подходах, основанных на правах человека либо на распределении общественных благ, выступает внешним установлением: либо господствующей идеологии (либерализма), либо международного сообщества, руководимого той же господствующей сейчас идеологией. Классический подход к добродетели, появившийся в античной и восточной (китайской) философии исходно рассматривает людей как позитивных акторов, обладающих свободой воли и чувством справедливости, готовых прилагать сознательные усилия для достижения социальной (космополитической, глобальной) справедливости, уважения прав человека и предоставления общественных благ. Здесь справедливость представляет собой добровольную (внутреннюю) и благородную добродетель человеческих акторов, а не просто набор обязательств людей по отношению друг к другу [Соловьева, Бабенко 2015].

На Западе взгляды на справедливость как на добродетель теснейшим образом увязывали ее прежде всего с разумом. Рассматривая справедливость как главную добродетель личности и общества (города-государства), Платон и Аристотель привязывали ее к рациональному знанию или мудрости, критически относясь к эмоциям и чувствам [Козьмин, Кузьмин 2022].

Напротив, в восточной традиции понимание справедливости как добродетели основывалось в большей степени на твердом нравственном убеждении, базирую-

щаемся не на отвлеченном умствования, а на чувствах эмпатии, подтвержденных социальной и моральной практикой рефлексии и сотрудничества. Идти именно изнутри – вовне, от опыта индивидуального самосовершенствования, семейного регулирования – к управлению государством и в итоге к восстановлению мира в Поднебесной. Также в большей степени, чем в Древней Греции, выдвигалась на первый план добродетельная роль выдающихся людей, в частности моральных элит, которые добровольно участвуют в общественной жизни и поступают в соответствии с собственным чувством справедливости, то есть верой в «мужественное отстаивание справедливости» или «признание высшей справедливости» [Ли Сюй 2013].

В Западной Европе мейнстримом долгое время был рационализм в определении справедливости, хотя ряд мыслителей, такие как Дэвид Юм, Адам Смит и некоторые другие британские философы, ставили под сомнение ведущую роль разума, уделяя при этом больше внимания влиянию моральных чувств, например сочувствия и доброжелательности, на формирование справедливости как добродетели [Юм 1998; Смит 1997].

Современная западная этика добродетели, которая пережила возрождение в середине XX в., уделяет особое внимание контекстуальным эффектам моральных и психологических механизмов людей, таких как мотивы, чувства, характер и личность, а также их моральным добродетелям и поведению. Критически относясь к универсальной, недифференцированной и принудительной тенденции деонтологов и консеквенциалистов в отношении справедливости, она пытается переосмыслить взаимодействие между универсальной справедливостью и конкретными межличностными эмоциями, такими как любовь, дружба и лояльность. Таким образом, этика добродетели становится еще одним подходом, параллельным деонтологическому и консеквенциалистскому подходам в современной философии морали, имеет нотки созвучия с конфуцианской этикой [Slote 1998; Hursthouse, Pettigrove 2018].

Этот подход к ГС с точки зрения добродетели имеет свои достоинства. Прежде всего он позволил бы преодолеть узкую ограниченность прошлых взглядов в рамках этой школы мысли (в целом все же партикуляристских). Во-вторых, сосредотачиваясь на доброй воле людей, благородстве – как их актуальных качествах, а не обветшалых предрассудках, – данный подход мог бы компенсировать односторонность понимания ГС в двух других подходах, которые можно упрекнуть в малом внимании к личной мотивации людей, гуманным эмоциям, автономной воле и особому чувству справедливости.

Конечно, он отнюдь не отрицает важности соблюдения прав человека и предоставления общественных благ как условий для ГС. Он пытается исследовать, как в реальной жизни люди формируют и укрепляют свое чувство справедливости, начинают относиться к ГС не столько как к внешним условиям или гетерономным обязательствам, сколько как к благородной добродетели, предмету искренней радости и источнику самоуважения. Это позволяет акцентировать положительную роль субъективного измерения акторов, то есть самодисциплинарных мотивов, эмоций, добровольности, а также влияния лидеров как образцов для подражания – тех элементов, которые зачастую упускаются из виду.

Анализируя сходства и различия между ними, мы все же понимаем их во взаимозависимости, как три разных аспекта одного целого.

Подход, основанный на правах человека, исходит из основных принципов, ориентиров и источников легитимности правосудия. Требования правосудия рассматриваются здесь как обязательные нормы, юридические обязанности государств и институтов.

Подход, исходящий из распределения благ, делает упор на материальную и институциональную поддержку, которую правительства или учреждения обязаны предоставлять людям.

Подход, основанный на добродетели, обсуждает интернализацию или мотив справедливости, рассматривает справедливость как добродетель, которую человек желает приобрести, а не как правило, которому он вынужден подчиняться.

Литература

Аристотель. Политика. Книга вторая / Аристотель // Соч.: в 4 т. Т. 4. М. : Мысль, 1983. С. 376–644.

Бурьянов С. А. О необходимости глобального права в контексте проблемы целенаправленного формирования глобальной системы управления в целях устойчивого развития // Век глобализации. 2019. № 4. С. 129–142.

Всеобщая декларация прав человека. Принята резолюцией 217 А (III) Генеральной Ассамблеи ООН от 10 декабря 1948 года [Электронный ресурс]. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml (дата обращения: 14.07.2022).

Гоббс Т. Левиафан. М. : Азбука, 2022.

Ибрагимова З. Ф., Франц М. В. Неравенство возможностей: трактовка, методы и проблемы оценки // Вестник Санкт-Петербургского университета. Экономика. 2020. Т. 36. Вып. 4. С. 624–652.

Канарш Г. Ю. Социальная справедливость: современная история идеи [Электронный ресурс] // Горизонты гуманитарного знания. 2019. № 1. С. 48–73. URL: <http://journals.mosgu.ru/ggz/article/view/951> (дата обращения: 14.07.2022).

Коаччи Ф. Этатизм и космополитизм о глобальной справедливости и универсальных основных правах // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер.: Политология. 2020. Т. 22. № 3. С. 352–366.

Козьмин Ф. Е., Кузьмин И. А. Феномен справедливости в социально-правовой действительности (от Древней Греции к современности) // Теория и практика социогуманитарных наук. 2022. № 1(17). С. 86–101.

Кудряшова В. К. Подход возможностей М. К. Нуссбаум: между нормативностью и релятивизмом // Вопросы философии. 2022. Т. № 5. С. 92–101.

Ли Суй. Концепция справедливости в философских школах Древнего Китая // Преподаватель XXI век. 2013. № 1. С. 232–238.

Локк Дж. Два трактата о правлении. М. : Социум, 2019.

Прокофьев А. В. Воздавать каждому должно... Введение в теорию справедливости. М. : Альфа-М, 2013.

Роулз Дж. Теория справедливости. Новосибирск : Изд-во Новосибирского ун-та, 1995.

- Роулз Дж. Справедливость как честность [Электронный ресурс] : Логос. 2006. № 1. URL: <https://gtmarket.ru/library/articles/2663> (дата обращения: 14.07.2022).
- Роулз Дж. Право народов [Электронный ресурс] : Гуманитарный портал. 2011. 16 января. URL: <https://gtmarket.ru/library/articles/5268> (дата обращения: 14.07.2022).
- Руссо Ж. Ж. Об общественном договоре. Трактаты. М. : КАНОН-пресс; Кучково поле, 1998.
- Сангаев Ц. Ц., Бальчиндоржиева О. Б. Деонтологическая концепция справедливости Джона Ролза // Вестник Бурятского государственного университета. Философия. 2022. Вып. 1. С. 54–59.
- Смит А. Теория нравственных чувств. М. : Республика, 1997.
- Соловьева А. А., Бабенко А. Н. Восточная и западная правовые традиции понимания справедливости: проблемы генезиса // Вестник ЮУрГУ. Сер.: Право. 2015. Т. 15. № 1. С. 12–17.
- Юм Д. Трактат о человеческой природе. Минск : Попурри, 1998.
- Beitz C. R. Justice and International Relations // *Philosophy & Public Affairs*. 1975. Vol. 4. No. 4. Pp. 360–389.
- Cohen G. A. On the Currency of Egalitarian Justice, and Other Essays in Political Philosophy. Princeton, NJ : Princeton University Press, 2011.
- Douglass B. The Common Good and the Public Interest // *Political Theory*. 1980. Vol. 8. No. 1. Pp. 103–117.
- Held V. The Public Interest and Individual Interests. New York : Basic Books, 1970.
- Hursthouse R., Pettigrove G. Virtue Ethics [Электронный ресурс] : The Stanford Encyclopedia of Philosophy. 2018. URL: <https://plato.stanford.edu/archives/win2018/entries/ethics-virtue/> (дата обращения: 14.07.2022).
- Measuring Justice: Primary Goods and Capabilities / ed. by H. Brighouse, I. Robeyns. Cambridge : Cambridge University Press, 2010.
- Nussbaum M. *Frontiers of Justice: Disability, Nationality, Species Membership*. Cambridge : Harvard University Press, 2006.
- Otsuka M. *Libertarianism without Inequality*. Oxford : Clarendon Press, 2003.
- Rawls J. The Priority of Right and Ideas of Good // *Philosophy and Public Affairs*. 1988. Vol. 17. No. 4. Pp. 251–276.
- Richardson H. S. Rawlsian Social-contract Theory and the Severely Disabled // *The Journal of Ethics*. 2006. Vol. 10. No. 4. Pp. 419–462.
- Roemer J. E., Trannoy A. Equality of Opportunity // *Handbook of Income Distribution*. Elsevier. 2015. Vol. 2. Pp. 217–300.
- Sen A. *The Idea of Justice*. Westminster : Penguin Books, 2009.
- Slote M. The Justice of Caring // *Social Philosophy and Policy*. 1998. Vol. 15. No. 1. Pp. 171–195.
- Sujian Guo, Xi Lin, Coicaud J.-M., Su Gu, Yanfeng Gu, Qingping Liu, Xuan Qin, Guodong Sun, Zhongyuan Wang, Chunman Zhang. Conceptualizing and Measuring Global Justice: Theories, Concepts, Principles and Indicators // *Fudan Journal of the Humanities and Social Sciences*. 2019. No. 12. Pp 511–546.
- Tan K.-C. *What is This Thing Called Global Justice?* London : Routledge, 2017.

References

Aristotle. *Politika* [Politics]. Book Two // Soch. [Works]: in 4 vols. Vol. 4. Moscow : Mysl', 1983. Pp. 376–644.

Buryanov S. A. O neobkhodimosti global'nogo prava v kontekste problemy tsel-napravlennoy formirovaniya global'noy sistemy upravleniya v tselyakh ustojchivogo razvitiya [On the Need for Global Law in the Context of the Problem of Purposeful Formation of a Global Management System for Sustainable Development] // *Vek globalizatsii*. 2019. No. 4. Pp. 129–142.

Vseobshchaya deklaratsiya prav cheloveka [Universal Declaration of Human Rights]. Adopted by the United Nations General Assembly on its 138th meeting, held in Paris on December 10, 1948]. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/decl_hrshtml (accessed: 14.07.2022).

Hobbes T. *Leviafan* [Leviathan]. Moscow : Azbuka, 2022.

Ibragimova Z. F., Frants M. V. Neravenstvo vozmozhnostey: traktovka, metody i problemy otsenki [Inequality of Opportunities: Interpretation, Methods and Problems of Evaluation] // *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Ekonomika*. 2020. Vol. 36. 4th ed. Pp. 624–652.

Kanarsh G. Yu. Sotsial'naya spravedlivost': sovremennaya istoriya idei [Social Justice: A Modern History of an Idea] // *Gorizonty gumanitarnogo znaniya*. 2019. No. 1. Pp. 48–73. URL: <http://journals.mosgu.ru/ggz/article/view/951> (accessed: 14.07.2022).

Coacci F. Etatizm i kosmopolitizm o global'noy spravedlivosti i universal'nykh osnovnykh pravakh [Statism and Cosmopolitanism on Global Justice and Universal Fundamental Rights] // *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Series: Politologiya*. 2020. Vol. 22. No. 3. Pp. 352–366.

Koz'min F. E., Kuz'min I. A. Fenomen spravedlivosti v sotsial'no-pravovoy deystvitel'nosti (ot Drevney Gretsii k sovremennosti) [The Phenomenon of Justice in Social and Legal Reality (from Ancient Greece to the Present)] // *Teoriya i praktika sotsiogumanitarnykh nauk*. 2022. No. 1(17). Pp. 86–101.

Kudryashova V. K. Podhod vozmozhnostey M. K. Nussbaum: mezhdru normativnost'yu i relyativizmom [Capability Approach by M. K. Nussbaum: Between Normativity and Relativism] // *Voprosy filosofii*. 2022. Vol. No. 5. Pp. 92–101.

Li Sui. Kontseptsiya spravedlivosti v filosofskikh shkolakh Drevnego Kitaya [The Concept of Justice in the Philosophical Schools of Ancient China] // *Prepodavatel' XXI vek*. 2013. No. 1. Pp. 232–238.

Locke J. Dva traktata o pravlenii [Two Treatises on Government]. Moscow : Sotsium, 2019.

Prokofyev A. V. Vozdavay' kazhdomu dolzhnoe... Vvedenie v teoriyu spravedlivosti [Giving Everyone Their Due... An Introduction to the Theory of Justice]. Moscow : Al'fa-M, 2013.

Rawls J. *Teoriya spravedlivosti* [A Theory of Justice]. Novosibirsk : NSU Publishing, 1995.

Rawls J. Spravedlivost' kak chestnost' [Justice as Fairness] // *Logos*. 2006. No. 1. URL: <https://gtmarket.ru/library/articles/2663> (accessed: 14.07.2022).

Rawls J. Pravo narodov [The Law of Peoples] // *Gumanitarnyy portal*. 2011. January 16. URL: <https://gtmarket.ru/library/articles/5268> (accessed: 14.07.2022).

Rousseau J.-J. *Ob obshchestvennom dogovore. Traktaty* [On the Social Contract; or, Principles of Political Right]. Moscow : KANON-press, Kuchkovo pole, 1998.

Sangayev C. C., Bal'chindorzhieva O. B. Deontologicheskaya kontseptsiya spravedlivosti Dzhona Rolza [Deontological Conception of Justice by John Rawls] // *Vestnik Bur'yatskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya*. 2022. Vol. 1. Pp. 54–59.

Smith A. *Teoriya nravstvennyh chuvstv* [Theory of Moral Sentiments]. Moscow : Respublika, 1997.

Solovyova A. A., Babenko A. N. *Vostochnaya i zapadnaya pravovye traditsii ponimaniya spravedlivosti: problemy genezisa* [Eastern and Western Legal Traditions of Understanding Justice: Problems of Genesis] // *Vestnik YUUrGU. Series: Pravo*. 2015. Vol. 15. No. 1. Pp. 12–17.

Hume D. *Traktat o chelovecheskoy prirode* [A Treatise of Human Nature]. Minsk : Popurri, 1998.

Beitz C. R. *Justice and International Relations* // *Philosophy & Public Affairs*. 1975. Vol. 4. No. 4. Pp. 360–389.

Cohen G. A. *On the Currency of Egalitarian Justice, and Other Essays in Political Philosophy*. Princeton, NJ : Princeton University Press, 2011.

Douglass B. *The Common Good and the Public Interest* // *Political Theory*. 1980. Vol. 8. No. 1. Pp. 103–117.

Held V. *The Public Interest and Individual Interests*. New York : Basic Books, 1970.

Hursthouse R., Pettigrove G. *Virtue Ethics* // *The Stanford Encyclopedia of Philosophy*. 2018. URL: <https://plato.stanford.edu/archives/win2018/entries/ethics-virtue/> (accessed: 14.07.2022).

Measuring Justice: Primary Goods and Capabilities / ed. by H. Brighouse, I. Robeyns. Cambridge : Cambridge University Press, 2010.

Nussbaum M. *Frontiers of Justice: Disability, Nationality, Species Membership*. Cambridge : Harvard University Press, 2006.

Otsuka M. *Libertarianism without Inequality*. Oxford : Clarendon Press, 2003.

Rawls J. *The Priority of Right and Ideas of Good* // *Philosophy and Public Affairs*. 1988. Vol. 17. No. 4. Pp. 251–276.

Richardson H. S. *Rawlsian Social-contract Theory and the Severely Disabled* // *The Journal of Ethics*. 2006. Vol. 10. No. 4. Pp. 419–462.

Roemer J. E., Trannoy A. *Equality of Opportunity* // *Handbook of Income Distribution*. Elsevier. 2015. Vol. 2. Pp. 217–300.

Sen A. *The Idea of Justice*. Westminster : Penguin Books, 2009.

Slote M. *The Justice of Caring* // *Social Philosophy and Policy*. 1998. Vol. 15. No. 1. Pp. 171–195.

Sujian Guo, Xi Lin, Coicaud J.-M., Su Gu, Yanfeng Gu, Qingping Liu, Xuan Qin, Guodong Sun, Zhongyuan Wang, Chunman Zhang. *Conceptualizing and Measuring Global Justice: Theories, Concepts, Principles and Indicators* // *Fudan Journal of the Humanities and Social Sciences*. 2019. No. 12. Pp. 511–546.

Tan K.-C. *What is This Thing Called Global Justice?* London : Routledge, 2017.